

ЭТНОГРАФИЯ

М.О. Османов

**ОТХОДНИЧЕСТВО – СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ
ЭТНОЭКОНОМИКИ ДАГЕСТАНА В XVIII–XIX ВВ.**

*(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.
Проект 04-02-00081а)*

Отходничество, как и домашние промыслы с ремеслом, и обмен (и торговля) представляли собой в Дагестане исследуемого времени как бы дополнительные к основным (земледелие и скотоводство) отрасли экономики. С одной стороны, отходничество – своеобразный вид промысла, оно является придатком к основным отраслям, его функционеры также выполняют определенные работы вне своих основных занятий, но и за пределами постоянного места жительства, поэтому отходничество принято называть отхожим промыслом (например, медник, отправляющийся на заработки на равнину, и промысловик, и отходник одновременно, т.к. занимается своим промыслом не в селении, а вне его, на чужбине).

С другой стороны, отходник отправляется на чужбину с определенной целью – обменять свою рабочую силу, свой труд на определенное вознаграждение в виде продуктов или денег, то есть это и есть своеобразная форма обмена.

Естественно, что такое сочетание придает отходничеству специфические черты, обуславливает многообразие форм, экономических ситуаций, комбинационных коллизий, создает иногда затруднения в правильном определении или характеристике тех или иных его форм.

Эта двойственность корней и источников, исходных форм отходничества обуславливает в известной мере и многоликость явления (института), создавая тем самым предпосылки для различий (разнообразия) в элементах этноэкономики разных регионов и этнических сообществ.

Обычно при исследовании отходничества больше внимания уделяют XIX в. – периоду проникновения в Дагестан капиталистических отношений, «ускоренного развития капитализма в России» (*Шигабудинов М.Ш.*, 1974. С. 109). Нет слов, отходничество действительно приобрело большие масштабы в связи с развитием капитализма в пореформенный период, особенно к концу XIX – началу XX в. В содержательной работе И.Р. Нахшунова приводятся три основные причины – предпосылки роста отходничества в пореформенный период: 1) вытеснение рабочих рук из сферы сельскохозяйственного производства (изъятие части общественных земель, освобождение рабов и отдельных слоев зависимых крестьян, развитие товарно-денежных отношений, рост классовой дифференциации); 2) падение цен на изделия ремесла в связи с ввозом товаров фабрично-заводской промышленности и увеличение свободных рук в деревне; 3) фабрично-заводская промышленность ввиду низкого уровня (по-видимому, слабой развитости. – Авт.) не могла поглотить высвободившиеся рабочие руки (и десятой доли) (*Нахшунов И.Р.*, 1956. С. 102–103). Сказано несколько сумбурно и не всегда четко, но основное здесь указано.

Однако отходничество в Дагестане существовало задолго до появления ростков капитализма, и скорее всего, закономерности развития, которые мы наблюдаем в XIX в., дают основания предполагать, что их истоки, основные

предпосылки сложившейся к XIX в. картины уходят ко времени последнего перераспределения географического разделения труда (равнина – земледелие, нагорье – скотоводство), к XV–XVI вв. (*Османов М.О.*, 1970. С. 285–286, 288–289, 294–295, 301–302; 1967. С. 232–233).

Основа отходничества (как и промыслов вообще), его побудительная причина и предпосылки вытекают из недостатка продуктов жизнеобеспечения, воспроизводства, что особого отношения к капитализму, как и к любой другой формации, не имеет.

Это имеет отношение к суровым условиям, нехватке сельскохозяйственных угодий, земельной тесноте, плотности населения и т.п., т.е. ко всему тому, что создает условия, предпосылки для дефицита продуктов жизнеобеспечения. Но если населения много, а земли для достаточного земледелия и скотоводства мало, создается излишек рабочих рук, не занятых производительным трудом. Иными словами, по точной характеристике К. Маркса, «расхождение между периодом производства и рабочим периодом», т.е. вынужденное безделье, «образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами», причем автор подчеркивает, что подобное характерно для мест с суровыми экологическими условиями (*Маркс К. Т. II. Кн. 1. С. 242*). В горном Дагестане этой суровости было более чем достаточно. Обратим внимание: великий теоретик капитализма ни словом не обмолвился о том, что, как считают многие его последователи, эти предпосылки промыслов (в том числе отходничество) связаны с развитием капитализма.

Приведем некоторые материалы. Значительность скотоводства в горном Дагестане обеспечивалась в основном за счет крупного рогатого скота, две трети хозяйств были безовечными, в среднем по зонам овец на одно хозяйство было: на равнине – 11, среднегорье – 14, высокогорье – 33 (*Нахиунов И.Р.*, 1956. С. 75; *Османов М.О.*, 1996. С. 287–288).

Для обеспечения одной семьи всем необходимым требуется отара не меньше чем в 100 гол. (История Дагестана, 1968. Т. II. С. 177). Правда, известный специалист сельского хозяйства Северного Кавказа В.П. Христианович считает (на примере Ингушетии), что «чтобы жить не нуждаясь», нужны 10,6 гол. овец на 1 душу, или в среднем 50 гол. на хозяйство (*Христианович В.П.*, 1928. С. 171). Для Дагестана конца XIX в., когда средний размер семьи составлял 4,7 чел. (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 30; Дагестанская область, 1890. С. VIII), эта цифра составила бы 49,82 гол. на хозяйство. Однако тщательные подсчеты, проведенные нами с учетом расходов на содержание овец, стоимости реализуемой продукции, а также приобретаемой на питание и бытовые нужды, показали, что отара и в 100 гол. едва обеспечивает удовлетворение весьма скромных запросов семьи горца (*Османов М.О.*, 1990. С. 88).

В то же время в отношении трудозатрат оказалось, что один человек может содержать отару в 300 гол. (с привлечением помощника в период окота и стрижки), следовательно, создается избыток мужской рабочей силы более чем в одного человека на одну семью, ведь КРС обслуживают главным образом женщины.

Не обеспечивает занятости и хлебопашество – 1,3 и 0,8 дес. на хозяйство в среднегорье и высокогорье (*Османов М.О.*, 1996. С. 295, 301): вспашка одним человеком занимала 3–4 дня, прополка (два раза) – 6–8 дней, уборка – 5–6 дней, обмолот – 2 дня, а ведь кроме вспашки остальные работы выполнялись всей семьей сообща.

Сокращение террасного земледелия после указанного перераспределения географического разделения труда (легче стало получать зерно из равнинных мест) также приводило к избытку рабочей силы, ведь террасы были самой

трудоемкой частью земледельческого труда.

Женщинам оставались уход за КРС, все работы по домашнему хозяйству, семье и пр. Помимо этого они могли в свободное время заняться доступными домашними промыслами – вязаньем, ткачеством, шитьем и др. Для мужчин же набор домашних промыслов был ограничен: то сырья нет, то навыков или отсутствуют традиции и наклонности к подобным занятиям. Оставалось одно – искать работу и соответствующий заработок на чужбине, там, где есть такая возможность.

Таким образом, можно отметить, что исходные предпосылки отходничества носят не формационный и даже не социальный характер. Корни его природно-экономического характера – в общей бедноте, недостатке продуктов, особенно хлеба. По подсчетам специалистов до революции в Дагестане своего хлеба приходилось на душу 81,9–131 кг при средней потребности в 294,8 кг (Даргинцы. 1930. С. 53–54). Правда, мы не знаем, каким образом выведены эти цифры, но полагаем, что последняя цифра (294,8 кг) нуждается в уточнении. Она приблизительно верна в отношении равнинного Дагестана, но в горном Дагестане были совсем другие нормы потребления хлеба. Иной раз диву даешься, читая высказывания наблюдателей: пишут, что горец довольствуется горстью жареной муки в день, и тут же говорят, что зерна хватало только на 1–2–3 месяца.

Известный историк экономики капитализма Ф. Бродель для благополучной в отношении хлеба Франции XVIII в. указывает, что потребление хлеба «достигало 2–3 фунтов в день, но тот, у кого есть другая еда, не потребляет его в таком количестве», для города же он и вовсе называет в среднем 180 кг на душу (Бродель Ф., 1986. Т. I. С. 147).

Еще в довоенные годы мы имели возможность, впрочем не задаваясь определенной целью, узнать кое-что об этом в отношении селений равнинной и среднегорной зон. В равнинном селе нормой человека на один месяц считалась одна мера зерна, как, впрочем, и в среднегорье. Но на равнине она вмещает 24–26 кг зерна, а в среднегорье – 16–18. И потом, речь идет о взрослых людях, но однако половину семей составляли дети и старики, а они потребляли хлеб на одну треть меньше. Исходя из приведенного выше среднего размера семьи в Дагестане (4,7 чел.) нетрудно подсчитать среднегодовое потребление зерна: 240 кг на душу на равнине, 180 – в среднегорье. И если исходить из известного нам положения (1 мера на душу в месяц), то в высокогорье, где мера составляла 12–13 кг, норма составит 120 кг, т.е. с учетом поправки на детей и стариков получается в каждой из зон по 10 «своих» мерок на душу в год.

Достаточно в общих чертах знать пищевые традиции дагестанцев по зонам, чтобы убедиться в том, что в объемах потребления хлеба существовала разница по зонам. Равнинный житель не ограничивал себя в потреблении хлеба, горец же придерживался режима жесткой экономии. Не случайно воздержанность в еде считалась признаком настоящего мужчины, достойного человека, а обжорство – непростительным пороком.

Русскими наблюдателями, даже в официальных материалах, это отмечалось неоднократно. Так, например, в «Обзоре Дагестанской области» за 1904 г. (и не только за этот) указывается, что отходники из Дагестана при возвращении весной для обработки полей и садов приносят «с собою заработок, остающийся у горцев благодаря их крайней умеренности в пище и одежде, почти целиком» (Обзор Дагестанской области. 1905. С. 29).

Добавим к этому, что в горах потребляли больше других продуктов – молочных, мясных, растительных, особенно творог, сыр, зелень, которые в определенной мере восполняли недостаток хлебной продукции.

Но поскольку пахотной земли на равнине было в несколько раз больше (5,7, 1,3 и 0,8 дес. соответственно) (Османов М.О., 1996. С. 291, 295, 301) и хлеба

хватало, то только горцам приходилось каким-то образом обеспечивать этот необходимый минимум потребности в зерне. Наш экскурс был призван в определенной степени скорректировать преувеличенные представления о потребности в зерне и соответственно сроке (продолжительности) обеспеченности собственным хлебом в течение года. В этом отношении мы склонны считать более близким к истине положение, обрисованное в своем прошении царским властям дидойцами. В жалобе, в которой они сетуют на недостаток хлеба и объясняют, что «спускаются с гор» «преимущественно для прокормления своих семейств», они не могли преувеличить собственные хлебные ресурсы. Между тем они указывают, что урожаи собственных земель «могут прокормить лишь 4–5 месяцев». Еще 5 месяцев они «питаются в Кахетии, куда спускаются со своими семействами на заработки» (*Османов М.О.*, 1990. С. 196). На остальные 2–3 месяца, надо полагать, зерно получали в результате обмена. Что приведенный пример типичен, можно судить по среднему размеру пахотных угодий дидойцев – 0,7 дес., т.е. даже меньше среднего по высокогорью (*Османов М.О.*, 1996. С. 285, 286).

Полагаем, что именно эта цифра – в среднем 4–5–6 мес. обеспеченности своим зерном – может считаться более реальной, близкой к действительному положению вещей. Ну как можно утверждать, что земледельческий народ, основной, повседневной пищей которого являются хлеб, зерно и его производные, имел в год на одну душу 16,4–32,8 кг хлеба (*Даргинцы*. 1930. С 53–54).

Возвратимся к вопросу о причинах (предпосылках, корнях) отходничества. Вот что пишет об этом местный житель, непосредственный наблюдатель: «Благодаря необеспеченности основной крестьянской массы, малоземелью и бедности урахинцы с давних (!) времен вынуждены были уходить на заработки. Многие урахинцы ежегодно уходили на сезонные работы по уборке хлебов на кумыкскую плоскость, а зимой молодежь и подростки батрачили в тех же кумыкских селах, за кусок хлеба ходили за скотом» (*Далгат А.*, 1960. С. 45).

Примерно то же говорят о высокогорных аварцах (анцухцы, капучинцы, дидойцы) русские наблюдатели, например О. Евецкий: в начале XIX в. «бедные для сникания себе пропитания ходят на заработки в Кахетию и Чаро-Белоканскую область»; или Н. Воронов – о бедняках дидойцах, которые отправляются в леса Гушети и выделывают «корыта, ульи, шайки, плетут также корзины из ветвей и продают все это в Телаве, Сигнахе и в других местах Кахетии» (*Евецкий О.*, 1835. С. 218–219; *Воронов Н.И.*, 1868. С. 14).

О том, что они с древних времен ходили на заработки в Азербайджан, рассказывают респонденты высокогорных селений союзов Капуча, Таш, Кос, Томс, Анцросо, Тлебель, Тлейсерух, Шуратль, Бохнада, Ухнада, Рутул, Ахтыпара, Ихрек (*Османов М.О.*, 1978. С. 206, 216, 228; 1977. С. 42, 51, 54, 55, 84), причем брались за любую оплачиваемую работу, а если ее не было, ходили в лес по дрова, приносили на себе вязанки и продавали.

Вполне объективную оценку причинам и предпосылкам отходничества дают и другие дореволюционные авторы.

Так, например, А. Комаров пишет: «Недостаток удобных для хлебопашества земель издавна (!) понудил казикумухцев искать другие источники существования... Осенью, убрав поля и обеспечив семейства на зиму, почти все взрослые мужчины отправляются искать себе работы в разные места. Казикумухца можно встретить зимою везде, от Оренбурга до Тавриза». По его сведениям «из округа уволено на заработки вне пределов Дагестана: в 1864 г. – 6403 чел., в 1865 г. – 6108, в 1866 г. – 7000 чел.» (*Комаров А.В.*, 1868. С. 42). И вряд ли можно обвинить в некомпетентности авторов статистических обзоров Дагестанской области, которые пишут об отходничестве: «Отхожий промысел,

обязанный своим существованием сравнительной густоте населения, бедности природы, слабому развитию обрабатываемой промышленности и другим стесненным экономическим условиям, весьма распространен в области и доставляет средства к жизни беднейшей части населения» (Обзор Дагестанской области. 1906. С. 68). Даже апологет советского колхозного строя в Дагестане П.В. Погорельский (у него описана сценка, как исколесивший до революции в поисках куска хлеба всю Россию старик в благополучии доживает свой век, глядя на счастливую колхозную молодежь), если не принимать во внимание его слов о «крепостном состоянии» горцев, довольно точен в описании предпосылок отходничества: «Горец, лишенный земли, лишенный возможности приложить свой труд в ауле, должен был уходить из него, когда связывавшие его крепостные пути пали. Он шел в Баку, он шел всюду, где можно было заработать» (Погорельский П.В., 1940. С. 39).

Кстати, о крепостном состоянии. П. Погорельский прав в одном – крепостное состояние далеко не способствует развитию отхожего промысла. Поэтому этот аспект следует рассматривать с противоположных исходных позиций – именно то обстоятельство, что в горном Дагестане не было крепостного крестьянства, а были свободные (и весьма независимые, очень ревниво относящиеся к любым ситуациям и высказываниям, в которых содержится намек не то чтобы на зависимость, а даже оказание простой услуги представителю феодального сословия, о чем имеются многочисленные установления в обычном праве дагестанцев) крестьяне-уздени, было одной из предпосылок зарождения и развития отхожего промысла (кстати, в пореформенном, казалось бы, включенном в капиталистический путь развития Дагестане существовали открепительные «билеты», только после получения которых у властей можно было уходить в отхожий промысел на заработки).

Приведем для наглядности примеры из обычного права. В обычном праве союза обществ Андалал было положено: «Если кто из наших возьмет лошадь или оружие, «с условием служить эмиру», то что он взял, становится нашим, независимо от того, как он его взял – по своей просьбе или иначе». И далее: «Если кто пойдет к эмирам без дела и особой нужды и пробудет 3 дня – 100 баранов. Если кто из нас даст в пользу эмира свидетельские показания (выгодные ему) – 100 баранов штрафа. Если между нашим человеком и эмиром возникнет спор, то он будет рассмотрен в нашем обществе» и т.д. Характерно, что этот дух, эта тенденция сохраняется даже в кодифицированных феодалами сводах обычного права. Так, в кодексе Рустем-хана, уцмия кайтагского есть такие пункты: «Если талкан (хан. – Авт.) хочет учинить насилие над каким-нибудь селением, надо предупредить его, чтобы он не делал этого». Пострадавшим помочь. «Перед талканом и чанка (ханский отпрыск от неравного брака. – Авт.) не унижаться. Того кто унижается – изгнать из села и запретить членам семьи встречаться с ним». И очень показательно: «Без совета с умными людьми талкан не должен поднимать ополчение, а если поднимет, наложить на него 30 туманов штрафа». А если ополчение согласовано и кто-то не выйдет, «с каждого, кто не выйдет – по 100 танка (мера сыпучих тел до 12 фунтов. – Авт.) штрафа. Пусть это наказание будет одинаковым и для узденя, и для талкана, и для чанка, и для лага» (раба. – Авт.). Такие примеры можно продолжить (Комаров А.В., 1868. С. 88; Магомедов Р.М., 1964. С. 32; Памятники... 1965. С. 63).

Один из наиболее сведущих историков Дагестана В.Г. Гаджиев в своей характеристике отходничества дореволюционного Дагестана отметил одну принципиальную сторону, к которой нам еще придется вернуться: «В условиях Дагестана отходничество не было новым (!) явлением. Малоземелье и вообще экономическая необеспеченность вынуждали горцев искать средства к жизни на

стороне» (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 261).

Другой известный историк М.Р. Гасанов одной из основных причин отходничества считает то, что горцы «не могли обеспечить минимум предметов первой необходимости», в числе других он называет перенаселенность, недостаток земли, избыток рабочих рук (*Гасанов М.Р.*, 1982. С. 57).

Несколько другая позиция в оценке дагестанского отходничества у известного специалиста по истории развития капитализма в Дагестане М.Ш. Шихабудинова. С одной стороны, перечисляя указываемые другими авторами предпосылки (причины) отходничества: «малоземелье, перенаселенность гор, развитие товарно-денежных отношений, крайняя бедность населения, низкий уровень производительных сил и др.», он заключает, что «признает важное значение этих причин». Пишет он и о том, что «отходничество было известно в Дагестане задолго до изучаемого (конец XIX – нач. XX в.) периода» (*Шихабудинов М.Ш.*, 1984. С. 124; 1976. С. 24).

Совершенно справедлив автор и в утверждении, что перечисленные причины сами по себе не могли «выталкивать из горских аулов всевозрастающее число отходников» и что большинство этих причин были задолго до рассматриваемого времени, но отходничество не приняло такого массового характера. Однако с выводом, который автор делает из этих правильных соображений, мы не можем согласиться: «Отходничество, будучи явлением развивающегося капитализма (!), его спутником, было связано с глубинными процессами во всей социально-экономической истории страны». Не согласны мы и с положением, что с развитием капитализма вширь отходничество не только растет, но и принимает другое содержание (*Шихабудинов М.Ш.*, 1984. С. 124; 1976. С. 24), правильнее было бы сказать – дополнительное содержание или новые формы.

Более правильный подход демонстрирует автор в другой работе, связывая с «ускоренным развитием капитализма в России» не просто отходничество, а бурное (!) развитие дагестанского отходничества в конце XIX – начале XX в., что внешние условия, развитие российского капитализма вширь – «главное условие бурного роста (!) дагестанского отходничества» (*Шихабудинов М.Ш.*, 1974. С. 109; 1984. С. 124).

Думается, здесь произошла просто небольшая подмена предмета описания, часть принята за целое – вековое существование и известные причины природно-экономического зонального характера автоматически заменились активизацией отходничества, связанной с развитием капитализма, принятой за изначальный, сущностный (отходничество – явление капитализма) характер (содержание, истоки, причины) отходничества. Иными словами, увеличение масштабов и появление новых форм при капитализме приняты за основное, изначальное содержание отходничества с соответствующими «капиталистическими» причинами и предпосылками. В связи с этим можно бы вспомнить, что и в самый что ни на есть разгар капиталистических форм отходничества первенство по его масштабам остается за традиционными горными «отходническими» округами, с наиболее выраженным малоземельем и дефицитом зерна, такими, как Самурский (24,9% всех отходников области), Гунибский (17,1%), Казикумухский (13%), Даргинский (12,6%); в то же время в хлебных Темир-Хан-Шуринском – 5,6%, Кайтаго-Табасаранском – 4,1%. По данным самого же автора, даже на нефтепромыслах Грозного первенство по числу и проценту отходников принадлежит Даргинскому (864 чел. и 30,37%), Кюринскому (462 и 16,27%), Андийскому (385 и 13,53%) и Самурскому округам, а из находящегося рядом хлебного Хасавюртовского округа только 4 чел. (0,14%), как и из Кайтаго-Табасаранского (4 и 0,14%) (*Обзор Дагестанской области. 1900. С. 36; 1903. С. 15; Шихабудинов М.Ш.*, 1974. С. 120; *Козубский Е.И.*, 1902. С. 35).

И еще одно немаловажное обстоятельство. Известный историк, лучший знаток капиталистических элементов в сельском хозяйстве Дагестана Г.Г. Османов указывает, что в конце XIX в. внутри Дагестана работала треть сезонных рабочих – 25–30 тыс. чел. (вместе с постоянными до 40 тыс.). И где же они работали? В четырех «хлебных» округах (по словам автора, «у зажиточных хозяев земледельческих округов») – Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском. Комментарии, по-видимому, излишни (*Османов Г.Г.*, 1965. С. 118).

Поэтому нам представляется более взвешенной и справедливой точка зрения В.Г. Гаджиева, который пишет, что с присоединением к России «несколько (!) изменился характер отхода и намного увеличилось число уходящих на заработки» (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 261).

В связи с этим можно было бы вспомнить, что задолго до развития капитализма отходничество существовало и в России, им занимались крепостные крестьяне-обручники.

Какие же формы отходничества существовали в Дагестане до реформ XIX в.? Дагестанцы истари были земледельцами, соответственно традиционной у них была земледельческая пища. Даже для тех горцев, для которых главной, дающей основной доход отраслью хозяйства было скотоводство, преобладающей, повседневной пищей были хлеб, зерно и его производные. Выше мы уже говорили о том, что своего хлеба дагестанским горцам в самом лучшем случае хватало на 5–6 месяцев. Остальное получали путем обмена и отходничества.

Уже упоминавшийся нами Ф. Бродель, ссылаясь на подсчеты ученого Ж. Фурастье, указывал, что во Франции XVIII в., «чтобы обеспечить пищей одного человека, требовалось с учетом севооборота 1,5 га пахотной земли», а по данным Д. Дефо (!), в начале этого века (1709 г.) – от 1,2 до 1,6 га (*Бродель Ф.*, 1986. С. 73).

Помножив указанный выше средний размер дагестанской семьи (а в горной части он был даже немного выше) – 4,7 чел., мы получим 7,05 га при 1,3 и 0,8 дес. в горной и высокогорной части Дагестана (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 30; Дагестанская область. 1890. С. VIII; *Османов М.О.*, 1967. С. 295). Какие уж тут севообороты и пары. Даже для предгорной части А. Далгат считает их возможными только для крупных земельных собственников: «Располагая большим количеством земель (12 дес. – Авт.), этот крестьянин имеет возможность ежегодно почти одну треть пахотных участков оставлять под парами и получать высокие урожаи» (*Далгат А.*, 1960. С. 68–69).

Вот как отзываясь о землях Левашинского плато наблюдатель: «бедная скудная природа, наделившая только камнями», поэтому жители больше занимаются отхожим промыслом и извозом» (*Аедоницкий В.А.*, 1916. С. 121).

Для центрального нагорного Дагестана главным направлением, местом отходничества была кумыкская плоскость (вместе с даргинским Губденом, самым большим селением Дагестана, имевшим пахотных угодий больше, чем весь Даргинский округ (или Казикумухский, Андийский, Самурский).

Для Южного Дагестана было два направления: собственная равнина, особенно Терекеме и Дербентская округа, и Северный Азербайджан, а Западный Дагестан ориентировался частью на Азербайджан (Закатальский округ) и Кахетию. Северный Дагестан имел больше связей с Засулакской Кумыкией.

На кумыкской плоскости одним из главных видов батрачества отходников была жатва хлеба. Дело в том, что в равнинном земледельческом (зерновом) хозяйстве, в цикле земледельческих работ существовали своеобразные «ножницы» между выращенным урожаем, с одной стороны, и его уборкой, жатвой – с другой. Равнинный земледелец с плугом в упряжке с двумя буйволами или четырьмя (шестью) волами мог вспахать пять десятин за 5–6 дней, но вот на

остальные операции, в частности прополку и особенно жатву, необходимо было привлекать дополнительную рабочую силу. С прополкой был легче, можно было привлечь членов семьи – пожилых женщин, детей, местных батраков. Был еще один момент – на вопрос о прополке наш информатор из с. Султан-Янги-юрт Т. Курбаналиев, давно перешагнувший 100-летний рубеж (1872 г.р.), ответил: «Какая прополка? Мы так очищали зерно, что на наших полях не было ни травинки сорняков». С жатвой дело обстояло иначе. Дети для уборки не годились – нужна сила и навыки. Женщины на равнине в жатве не участвовали. Между тем, чтобы сжать хлеб на площади в одну десятину, которую умелый пахарь с хорошей упряжкой вспахивал за один день, требовалось 7–10 дней в зависимости от умелости и сноровки жнеца.

Местные батраки в этот период в какой-то степени обеспечивали уборку, но именно только частично. Например, в крупном зерноводческом с. Аксай в Засулакской Кумыкии 80 крепких хозяев аула использовали труд 92 батраков (История Дагестана... 2004. С. 573). Кстати, отметим, что условия найма местных батраков были даже хуже, чем пришельцев-горцев. Бывший батрак И. Мусакаев из Губдена рассказывал, что он нанимался к местному богачу на период от вспашки до конца уборки за 25 мерок зерна (600–650 кг) на очень жестких условиях: если он не выйдет на работу в период жатвы, то за каждый день невыхода будет вычитаться одна мера. По его словам, в один год так и случилось – он заболел во время жатвы и лишился за 10 дней 10 мерок зерна, двух пятых своего полугодового заработка.

Поэтому в период жатвы на равнине (в горах она была позднее) многие горцы устремлялись в равнинные села, где нанимались на работу на период жатвы.

Оплата труда горцев была жестко фиксированной, ни один наниматель и тем более наемный рабочий не мог поднять ее (но и понизить тоже). Как правило, это каждый 10-й сноп, т.е. горец получал 10-ю долю урожая. Учитывая дефицит хлеба в горной части, это была неплохая добавка к зерновым ресурсам горцев, ведь за период жатвы он зарабатывал 20–30 мер зерна. Заинтересованность в производительности труда горца была обоюдной – чем быстрее работает горец, тем больше он заработает, а хозяйская заинтересованность проистекала из того, что застоявшаяся спелая и переспелая нива теряла зерно из-за осыпания.

Как рассказывают информаторы, иногда бывали нюансы в условиях найма, например, касающиеся известных горцам особо жарких или малярийных мест. Так, в с. Губден таким местом было урочище СалтАбяхъ. Как правило, горец, узнав, что жать хлеб придется в этой местности, отказывался от найма. Однажды один губденец решил перехитрить горца и придумал для СалтАбяхъ другое название. Однако горец (это был акушинец), не проработав на ниве и до полудня, бросил работу и ушел со словами: «Если это не СалтАбяхъ, значит его брат». Была еще одна форма земледельческого отхода на равнину, не столь распространенная: местный землевладелец, имевший излишки земель, или, напротив, небогатый крестьянин, который не в состоянии обработать землю, сдавали участок в аренду горцу, который ее обрабатывал, снимал урожай и обмолачивал. Хозяин земли кроме участка давал еще зерно для посева (горец, разумеется, не мог его обеспечить), зерно урожая делилось пополам.

В Южном Дагестане отход горцев приходился главным образом на Терекеме, куда приходили горцы даргинцы, агулы, лезгины. О том, что жители верхнего предгорья, и в частности и его земляки, «ходили жать хлеб в Таркам», пишет А. Далгат (*Далгат А.*, 1960. С. 14). Помимо указанных выше, здесь практиковался, главным образом агулами, отход на время обмолота. Приходили они с лошадьми, которые здесь использовались для этой цели (обмолота), за что им полагалась оплата в двойном и даже иногда тройном (по сравнению с оплатой человека) размере.

Отходничество из Южного и Западного Дагестана в Азербайджан и Грузию имело некоторые особенности. Во-первых, оно приходилось на зимне-весеннее время, совпадая со временем отгона скота и нередко сопутствуя ему, но, как подчеркивают и сами участники и наблюдатели, основа их отхода, главная причина – «прокормление своих семейств», «пропитание себя» и т.п. Другая особенность: хотя отход «хлебный», ставит главной задачей прокормиться и накопить зерно на время до нового урожая и нового отхода – работы у них самые разнообразные, они берутся за любую предложенную работу, а в свободное время занимаются ремесленничеством или ходят в лес по дрова для их продажи или обмена.

Они занимались земляными работами, окапыванием деревьев и виноградников, заготовкой и установкой таркалов (жердей-опор для виноградной лозы), починкой плетневых заборов, уборкой помещения для скота, производили слесарные работы, деревянную утварь, шорные и швейные изделия, заготавливали дрова и строительный лес, работали мастерами – каменщиками, плотниками, подсобниками, шорниками, медниками, шапочниками и т.д. и т.п. (*Заваров С.*, 1900. С. 222–223; *Евезкий О.*, 1835. С. 218–219; *Воронов Н.И.*, 1868. С. 14; *Ган К.Ф.*, 1903. С. 16; Военно-Ахтынская дорога... 1864; Дагестанская область в 1891 г. 1892. С. 154; *Османов М.О.*, 1977. С. 42, 51, 54, 55, 84; 1978. С. 206, 212, 214, 215, 216, 223–225, 228).

Еще один вид отходничества горцев, более локальный, – это уход горцев в горно-долинные садовые селения во время сбора урожая, особенно абрикосов и так называемых араканских красных яблок (предгорные даргинцы называют их цудахарскими). Например, жители акушинских и сюргинских селений соединяли в данном случае приятное с полезным – и вожделенных фруктов наедались и отвозили фрукты в свои селения семьям в качестве лакомства и часть для обмена и продажи. За полный день тяжелой работы наемный рабочий получал полную ношу фруктов, сколько он сможет взять (получалось 20–30 кг.). Если горец приходил с ослом, то вечером он получал полную ослиную поклажу фруктов – это побольше зерна, которое давали на равнине, но абрикосы (или яблоки) – это все же не хлеб, не зерно.

И был еще один вид отходничества, существовавший задолго до его капиталистических форм, – ремесленнический и, как ни странно, конфессиональный.

Много было отходников-каменщиков, нередко они брали с собой и подсобников, молодых людей (родственников или просто близких), не имеющих специальности. За несколько ходок они должны были сами стать мастерами. Были известны каменщики из Аварии (Согратль, Телетль и др.) и Табасарана. Очень много было лудильщиков, в основном из лакских селений, кузнецов, плотников, сапожников, шапочников и даже мастеров по обрезанию (услышав выкрик – предложение мастера о сунете, ребята разбежались врассыпную и прятались до его ухода).

Так что абсолютно прав П. Погорельский, что «до Октябрьской революции дагестанцев можно было видеть всюду, где нужны были дешевые рабочие руки» (*Погорельский П.В.*, 1940. С. 35). Автор солидной работы по промыслам Кавказа О. Маргграф пишет о том времени: «На Кавказе, а, вероятно, и в Закавказье нет почти ни одного аула и селения, в коем не нашлось бы одного или двух дагестанских кустарей» (*Маргграф О.В.*, 1882. С. 216).

В том же плане высказывается один из лучших знатоков Северного Кавказа, долго проработавший здесь местный чиновник Г. Вертепов: «Огромное большинство медников, работающих в Терской области, принадлежит отхожим кустарям, которые каждую осень, по окончании полевых работ, выходят из Дагестана и расходятся по Северному Кавказу... Весною эти отхожие кустари

тянутся со своим скарбом убогих мастерских обратно в Дагестан» (*Вертепов Г.А.*, 1897. С. 28).

Немаловажную часть отходников-горцев Дагестана составляли люди, получившие определенное религиозное образование. В роли имамов, будунгов мечетей и даже кадиев их можно было встретить и по всему Северному Кавказу.

Надо сказать, что докапиталистическое (природно-экономическое, зональное) отходничество было очень слабо развито в равнинных селениях, достаточно обеспеченных хлебом, в хозяйстве которых, более мощном и многоотраслевом, были заняты имевшиеся рабочие руки, а те из крестьян, которые нуждались в дополнительных приработках, находили работу у местных крупных землевладельцев. Характерно, что в таких селениях на вопрос об отходниках обычно отвечали: «Не было», «Не нуждались», «Селение было богатое, со своим хозяйством едва справлялись» и т.п. Так отвечали нам, например, в селениях Нижнего Кайтага.

Показательно, что и в отдельных горных селениях, самодостаточных в продуктообеспечении, отходничества не было.

Например, в Союзе обществ Гидатль, известном во всей Аварии своим экономическим благополучием и достатком, на вопрос русского путешественника Н.И. Воронова об отходничестве отвечали: «На заработки редко кто из нас ходит на плоскость» (*Воронов Н.И.*, 1868. С. 30).

В XIX в., особенно с пореформенного периода, начинается новый качественный этап дагестанского отходничества. Но это именно этап, так как рост отходничества происходил на базе старых причин, предпосылок (малоземелье, перенаселенность, бедность, неравномерность распределения (объективного, природно-зонального) природных и земельных, особенно пахотоспособных ресурсов, отсутствие обрабатывающей промышленности и т.п.), но изменившихся, ставших более острыми, порою нетерпимыми, низводящими на уровень нищеты.

Еще более усугублялось малоземелье. В пореформенный период было изъято у горцев и передано в казну свыше 374 тыс. дес. удобных земель (угодий). Отобрав (в наказание) у 35 селений Андийского округа 16 тыс. десятин летних пастбищ, царские власти в одночасье превратили жителей этих селений почти в нищих (*Обзор Дагестанской области. 1913 г. С. 23*).

Другая сторона – рост имущественного неравенства, возрастание количества малоземельных и безземельных крестьян, чему способствовал рост товарно-денежных отношений. Многие товары, которые раньше можно было получить в порядке обмена, теперь требовали денег. Конкуренция фабрично-заводских товаров (металлические, скобяные изделия, ткани, железные орудия, посуда, соль, керосин, сахар) задавила многие местные промыслы, пополнила слои крестьян, оставшихся без привычных доходов, а эти самые изделия входили в хозяйство, быт и требовали денег. Не случайно в сводах обычного права (адата), собранных и записанных в XIX в., в нормах компенсаций наряду с привычными мерами зерна, головами скота, котлами, участками земли фигурируют русские рубли (например, котел в 2 или 4 руб., бык стоимостью 20 руб., или малая мера зерна (сах) в 20 коп. и т.д.) (*Комаров А.В.*, 1868. С. 57; *Адаты Дагестанской области...* 1899. С. 258; *Адаты даргинских обществ. 1873. С. 42, 82, 109, 123*).

Однако правы те исследователи (в частности М.Ш. Шихабудинов), которые связывают «бурное развитие» отходничества в Дагестане в конце XIX – начале XX в. не только (по его мнению и не столько) с «социально-политическими и экономическими изменениями, происходившими в самом дагестанском обществе», но и «с ускоренным развитием капитализма в России», с его развитием вширь (*Шихабудинов М.Ш.*, 1974. С. 109; 1984. С. 124).

Изменившиеся обстоятельства, естественно, заставили горцев приспособляться к ним, находить максимально рациональные и целесообразные пути и средства добывания средств к существованию. Горцы умели это. Вспомним хотя бы, например, террасы, созданные ими для увеличения площади своих пахотоспособных угодий. Не случайно автор начала XIX в., упомянув «лезгинцев», владения которых в горах, добавляет: «... а народ к воинскому духу присоединяет гораздо более трудолюбия, неутомимости и силы, нежели какой другой Азийской» (Описание Кавказа... 1805. С. 25). И вот «... с осени, после уборки хлебов эта масса безземельных и малоземельных крестьян, а также кустарей-полупролетариев уходила на заработки в Баку, Грозный, спускалась в Кахетию, расходилась по всему Северному Кавказу, Закавказью и в центральные губернии России» (Нахиунов И.Р., 1956. С. 105).

Усиление товарообмена, массовый завоз товаров из России и увеличение грузопотока отдельных из них с гор в города (например, фруктов на заводы в Темир-Хан-Шуру, шерсти, муки в Петровск) вызвали к жизни массовый извозный промысел. Показательно, что он приобрел особенно широкий масштаб на прилегающих к главной транспортной магистрали Темир-Хан-Шура – Гуниб, с ответвлением на Кумух участках Даргинского округа. Вот что пишет об этом Е.И. Козубский: «В Даргинском округе значительное число жителей Акушинского и Мекегинского участков занимается извозом с весны по окончании посевов и до уборки хлеба, а с осени по снятии хлебов» (Козубский Е.И., 1902. С. 100).

Изменился и характер земледельческого «хлебного» отхода. Если до «капиталистического» отходничества главной целью было получить за работу немного зерна, то в XIX в., особенно в пореформенный период, главным становится уход на заработки на плантации, на работы по уходу и уборке монокультур – марены, винограда и др. И опять очень точное замечание А. Далгат: «... Он ездил работать в кизлярские сады» (Далгат А., 1960. С. 60).

Еще до окончания Кавказской войны, в 1839 г. в Кизляр прибыло на заработки 7514 горцев. Заметим, кстати, что из далекого Казикумухского владения, пограничного с театром военных действий, жителям которого иногда приходилось даже пробираться через земли воюющих сторон, было 1572 чел., это больше, чем из соседнего с Кизляром Аксаевского владения, к тому же полностью находившегося под контролем русских военных властей. С 1841 г. число горцев, прибывавших «с весны до осени простиралось от 10 до 22 тыс. чел.» (Гаджиев В.Г., 1965. С. 255; Иноземцева Е.И., 2001. С. 168). По другим данным, в районе Кизляра было 20–25 тыс. отходников Дагестана, примерно столько же уходило на заработки в Азербайджан и Грузию. Как пишет один современник, в сентябре месяце «до 30 тыс. лезгин из разных обществ, гонимых с гор стужей и нуждой (это, конечно, главное, стужа не страшна, если есть еда. – Авт.), рассыпаются по Алазанской долине от Кахетии до Сальяна» (Гаджиев В.Г., 1965. С. 262).

Другой объект отходничества горцев – мареноводство, пока оно не упало после распространения анилиновых красок. Это довольно трудоемкая отрасль и требовала она больших трудовых затрат. В этом случае отходничество имеет сугубо южное направление. В 60-х гг. XIX в. на маренниках Дербента с округой работало до 40 тыс. рабочих-отходников, в Кюринском и Кайтаго-Табасаранском округах – 25–30 тыс. (Гаджиев В.Г., 1965. С. 261). Правда, когда мареноводство пришло в упадок эта часть отходников переориентировалась – часть на сады и виноградники, но большая часть на новые «капиталистические» формы отходничества – железную дорогу, рыбные и нефтяные промыслы, фабрично-заводскую промышленность.

Из названных видов отходничества горцы (и не только горцы) предпочитали рыбные промыслы – «батагъа» (существует мнение, что слово произошло от

русского «ватага»).

Они были ближе, они, как и традиционные виды земледельческого отхода, носили сезонный характер, что давало возможность принять в них участие и тем крестьянам, которые не хотели или не могли оторваться надолго от собственного хозяйства, от семьи. Отсюда большой спрос на участие в путине, большая популярность этой формы отхода. Чтобы попасть в «батагъа», горцы платили подрядчикам – наборщикам рабочей силы. А. Далгат, который непосредственно наблюдал это, так описывает это положение: крестьянин платил 3 руб. подрядчику, чтобы взял в «батагъа». «И горец платил потому, что к весне у него истощались все запасы продуктов, а два месяца работы на рыбных промыслах выручали его. Такое обирание рабочего было возможно еще потому, что свободных рабочих рук, ищущих работу, было очень много, и каждый бедняк хотел попасть на весеннюю путину». По оценкам Г. Османова, на рыбных промыслах в путину было 10–15 тыс. дагестанцев-отходников (*Далгат А.*, 1960. С. 41; *Османов Г.Г.*, 1965. С. 118, 119).

Особенностью отходничества на рыбные промыслы стало то, что в нем значительный удельный вес имели и жители равнинных и нижнепредгорных сел.

Обусловлено это было тем, что, во-первых, резко возросла, как уже говорилось, потребность в деньгах и натуральная оплата зерном уже не помогала батракам решать вопросы приобретения товаров, список которых, отпускаемых уже за деньги, все увеличивался (керосин, соль, сахар, ткани, бакалейные, кондитерские, металлические изделия, орудия труда и др.). Во-вторых, на промыслах платили все-таки больше, чем местные землевладельцы.

К концу XIX в. отхожий промысел стал существенной частью экономической деятельности дагестанцев. В отдельные годы число отходников превышало 100 тыс. чел., это было больше половины трудоспособного населения Дагестана. И из них большая часть уходила за пределы Дагестана. Выше мы говорили о том, что внутреннее отходничество в основном приходилось на четыре «хлебных» (земледельческих) округа – Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, вернее, не приходилось, а размещалось (поглощалось) в этих округах. В отношении внешнего, приходящегося на работы вне Дагестана, главным образом «капиталистического» отхода преобладал, разумеется, контингент из горных округов. И, как уже отмечалось, это те округа, которые держали первенство и по объему докапиталистического (природно-экономического зонального) отходничества. Только теперь большинство горцев направляется за пределы Дагестана, и главные отрасли, которые принимают отходников, – это железная дорога (строительство и обслуживание), нефтяные промыслы и промышленные предприятия. Как пишет А. Далгат, «в последние годы много отходников идет на железную дорогу, главным образом на Северный Кавказ, разнорабочими, а также на нефтяные промыслы Грозного», многие из них оседают на постоянную работу на предприятиях Петровска, Дербента, а также на нефтяных промыслах и транспорте (*Далгат А.*, 1960. С. 45).

Более или менее точная статистика отхожего промысла имеется со времени издания статистических приложений к отчету губернатора области – «Обзоров Дагестанской области». В обзоре за 1892 год цифра отходников обозначена в 70366 чел. В нем в их число включены и члены семейств тех отходников, которые уходили вместе со скотом или вслед за скотом в Азербайджан и Грузию по вышеуказанной формуле «на пропитание себя и прокорм скота». В последующих обзорах учитывались только мужчины-одиночки, получившие «билет», поэтому эту цифру для анализа мы не будем привлекать.

В обзоре 1896 г. (приводятся обзоры, которые оказались нам доступны) число отходников оценивается в 41556 чел., и далее по нарастающей: 1897 г. – 54996

чел., 1898 г. – 55584 чел., 1899 г. – 59077 чел. С начала XX в. происходит довольно резкий скачок в численности отходников, он связан и с ростом потребностей населения в деньгах и увеличением возможностей приложения рабочей силы на растущих промышленных предприятиях и объектах (железная дорога, рыбные промыслы, фабрики, заводы). В 1901 г. отходников уже 76356 чел., в 1902 г. – 75114, в 1904 г. – 74282, в 1905 г. – 81801, в 1906 г. – 79652, в 1907 г. – 84128, в 1908 г. – 83410, в 1909 г. – 84325, в 1911 г. – 77762, в 1913 г. – 83317 чел. (Обзор Дагестанской области. 1893. С. 43; 1897. С. 19; 1898. С. 39; 1900. С. 76–77; 1903. С. 29; 1905. С. 30; 1906. С. 26; 1908. С. 21; 1909. С. 39; 1910. С. 42; 1912. С. 24; 1915. С. 20). Заметим, что примерно с начала XX в. происходит не только резкий рост в масштабах отходничества, но и относительная его стабильность: самая малая цифра – 74282 чел. и самая большая – 84325 чел. Поскольку ни один из побуждающих к отходничеству факторов, ни одна предпосылка (раскрестьянивание, пауперизация, рост товарно-денежных отношений и потребности населения в деньгах и т.п.) не только не исчезли, не потеряли своей актуальности, но и росли, то этому должно быть какое-то объяснение. Ведь, с другой стороны, и объекты отходничества, так сказать его «поглотители», также росли и довольно быстрыми темпами. Нам представляется, что стали иссякать резервы отходничества, как-никак, а 80–85 тыс. чел. – это половина взрослого мужского населения Дагестана (*Погорельский П.В.*, 1940. С. 35; *Шихабудинов М.Ш.*, 1976. С. 23), и дальнейший рост отхожего промысла стал невозможным без ущерба для собственного земледельческо-скотоводческого хозяйства, нормального течения семейного и общественного быта, экономического и семейного производства. Вполне возможно, что новый цикл воспроизводства и роста населения мог стать побудительной причиной (предпосылкой) для нового скачка в развитии отходничества.

Несколько слов о географии отхожего промысла. Если в докапиталистическом отходничестве (природно-экономическом зональном) направление и география отходничества, как и сам фактор – в основном земледельческий, из горных районов на равнину, то в пореформенный период намного разнообразней стали и формы отхода и его география.

Вот что говорится об этом в одном из достоверных источников – обзоре за 1904 г.: «С осени по уборке хлебов, население ежегодно массами отправляется по губерниям и областям Кавказского края, в Закаспийскую область, а также и во внутренние губернии империи, отыскивая себе заработок во всех видах физического труда» (Обзор Дагестанской области. 1905. С. 29).

Примерно то же, но с применением терминологии советской эпохи пишет и современный исследователь: «С осени, после уборки хлебов эта масса безземельных и малоземельных крестьян, а также кустарей полупролетариев уходила на заработки в Баку, Грозный, спускалась в Кахетию, расходилась по всему Северному Кавказу, Закавказью и в центральных губерниях *России*» (*Нахшунов И.Р.*, 1956. С. 105). В изложении М.Р. Гасанова также говорится об обширной географии – Грузия, Азербайджан, Армения, Северный Кавказ, Средняя Азия, Юг и Центр России и др. (*Гасанов М.Р.*, 1982. С. 56–57). По архивным данным, за трехлетие (1872–1874 гг.) из Казикумухского округа ушло в отхожий промысел 20162 чел., из них в губернии России – 692 чел. (3,4%), внутри Дагестанской области – 1680 чел. (8,2%), остальные 17790 чел. (88,4%) – в губернии Кавказского наместничества. В эти же годы (1873–1875 гг.) из Даргинского округа получили билеты 21509 чел., из которых направилось: в Ставропольскую губернию – 230 чел., в Дербент – 413 чел., Нуху – 740 чел., а вот в Терскую область – 18832 чел. (87,5%) (История Дагестана... 2004. С. 577).

Полагаем, что львиная доля их приходилась на нефтепромыслы Грозного. По

данным М. Шихабудинова, из 21030 нефтяников Грозного 2845 чел. (13,5%) составляли дагестанцы (*Шихабудинов М.Ш.*, 1974. С. 111). Удивительным образом именно такой процент (13,5) составляли дагестанцы на нефтепромыслах Баку в 1909 г., занимая четвертое место после азербайджанцев (33,8%), армян (25,3%), русских (19,5%) (*История Дагестана...* 2004. С. 578).

Заметим, что формула «с осени до весны, для обработки своих полей» которая часто упоминалась нами, должна быть скорректирована лишь для промышленного отхода и дальних мест нахождения объектов приложения рабочей силы отходников. В этом мы согласны с М. Шихабудиновым, который, отвергая названную формулу, задается вопросом, а как же быть с теми, которые шли во внутренние губернии России, Поволжье, Закавказье, Закаспийскую область (*Шихабудинов М.Ш.*, 1974. С. 112–113). В этом расширении географии отхожего промысла дагестанцев немалая роль принадлежала, разумеется, и поискам места «где лучше» – по В.И. Ленину (*Ленин В.И.* Т. 3. С. 201), т.е. где лучше условия найма, заработок и в последнюю очередь условия питания и быта. Ведь изначальный старт начинался именно с этого – внутри Дагестана труднее было найти работу, и она хуже оплачивалась. Средний заработок здесь был в пределах 35–55 руб., в зависимости от харча (свой или хозяйский), в местах же отхода он был в среднем в два раза больше – 80–130 руб. (*Обзор Дагестанской области.* 1915. С. 20).

Правда, М. Гасанов пишет, что заработок серебряков в Грузии достигал 150–200 руб., а в Тбилиси даже 300–500 руб. (*Гасанов М.Р.*, 1982. С. 59), но если это не ошибка, то, возможно, цифры относятся к более позднему времени.

Еще об одном аспекте изначального старта отходничества, о котором нам приходилось упоминать раньше. В ряде селений высокогорного Дагестана существовала традиция создания общиной специальной комиссии, которая поздней осенью, до закрытия высокогорных перевалов, обходила жилища поселян и проверяла, достаточен ли запас продуктов на зиму (зерно – мука, сушеное мясо, сыр, масло, фасоль – горох, курдюк – сало) для всей семьи. Если нет, хозяину предлагалось сократить количество членов семьи («ртов») организацией отхода на заработок, «на пропитание себя». Комиссия выбиралась из авторитетных и умудренных членов общины, и их решение считалось окончательным.

Подводя краткий итог сказанному, отметим, что отходничество в Дагестане в той его форме (или формах), какую мы застали в начале XIX в., существует по меньшей мере с XV–XVI вв., со времени последнего перераспределения географического разделения труда в Дагестане (равнина – земледелие, горы – скотоводство). В его сложившемся виде оно представляет важную составную часть этноэкономики и как существенная отрасль экономики населения горного Дагестана, и как критерий отдельных этноэкономических зон и районов.

Отходничество как элемент экономики было вызвано к жизни недостатком продуктов и предметов жизнеобеспечения, представлявшим угрозу для существования и естественного воспроизводства населения.

Этот недостаток был обусловлен скудостью природных ресурсов экологической ниши населения, малоземельем, недостатком сельскохозяйственных угодий, препятствовавшим и функционированию и нормальному самообеспечивающему (самодостаточному) развитию главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства.

Сложению в этой ситуации отходничества как формы экономической деятельности, как средства добывания средств к жизни способствовало отмеченное К. Марксом «расхождение между периодом производства и рабочим периодом» (*Маркс К.* Т. II. Кн. 2. С. 242), обусловившее избыток рабочих рук, вынужденное безделье, усугублявшееся и тем обстоятельством, что существовало

табу для мужчин для выполнения некоторых сельскохозяйственных и бытовых работ.

Естественно, что этот избыток рабочей силы при наличии в доступных пределах районов с достаточными природными ресурсами и масштабным земледельческим хозяйством (испытывавших ее дефицит) должен был привести к их соединению и сделать возможным для горца получение работы и заработка. Эту стадиальную форму отходничества мы условно назвали природно-экономической зональной, «хлебной».

Бурный рост отходничества, отмеченный наблюдателями и исследователями в пореформенный период, и особенно к концу XIX в. был связан, с одной стороны, с ростом имущественного неравенства, обезземеливания, бедности и обнищания с одновременным ростом товарно-денежных отношений и растущей потребностью населения в деньгах, без которых некоторые предметы (и продукты) необходимости стали недоступными.

С другой стороны, быстро развивающиеся промышленность, железная дорога, рыбные и нефтяные промыслы сильно увеличивают потребность в рабочей силе и обеспечивают отходников работой и неплохим (по сравнению с внутренним Дагестаном) заработком.

Для этой стадии развития отходничеству можно дать условное название «капиталистический».

БИБЛИОГРАФИЯ

Абельдяев Н., 1857. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 64. № 8.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899 / Под ред. И.Я. Сандрыгаило. Тифлис.

Адаты даргинских обществ. 1873 // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). I. Тифлис.

Аедоницкий В.А., 1916. Из поездки в Дагестан летом 1914 г. // Естествознание и география. № 5–7, 8–9, 10.

Бродель Ф., 1986. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.

Бродель Ф., 1988. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. II. Игры обмена. М.

Вертепов Г.А., 1897. Очерки кустарных промыслов Терской области // Терск. сб. Вып. 4. Владикавказ.

Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ, 1864. // Кавказ. № 2. Тифлис.

Воронов Н.И., 1868. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. I. Тифлис.

Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.

Гаджиева С.Ш., 1961. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.

Гаджиева С.Ш., 1985. Семья и брак народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М.

Ган К.Ф., 1903. Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 года // Изв. Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. (КОИРГО). Т. XVI. № 4.

Гасанов М.Р., 1982. Отходничество и его роль во взаимоотношениях народов Дагестана и Грузии // Изв. Северо-Кавказского научного центра Высшей школы (СКНЦВШ). Общественные науки. № 4.

Дагестанская область в 1891 г., 1892. Естественные и производительные силы области и экономическая деятельность ее населения // Кавказский календарь (КК) на 1893 г. Тифлис.

Дагестанская область, 1890. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис.

Далгат А., 1960. В огне революции. Махачкала.

Далгат Э.М., 2000. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX–XX вв. Махачкала.

- Даргинский округ Дагестанской области. 1887. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис.
- Даргинцы. 1930. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Вып. I. М.–Л.
- Евецкий О.*, 1835. Статистическое описание Закавказского края. СПб.
- Заваров С.*, 1900. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. Тифлис.
- Иноземцева Е.И.*, 2001. Дагестан и Россия в XVIII– первой пол. XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала.
- История Дагестана в 4-х тт. 1967. Т. I. М.; Т. II. 1968. М.
- История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х тт. Т. 1. 2004. М.; Т. 2. XX век. 2005. Махачкала.
- Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Вып. I. 1902. Темир-Хан-Шура; Вып. II. 1904. Темир-Хан-Шура.
- Комаров А.В.* 1868. Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана // ССКГ, I. Тифлис.
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3. М.
- Магомедов Р.М.*, 1964. Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала.
- Марсграф О.В.*, 1882. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М.
- Маркс К.* Капитал. Т. II, кн. 2. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. М.
- Нахиунов И.Р.*, 1956. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала.
- Обзоры Дагестанской области за 1892–1915 гг. 1893–1916. Приложения к всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура.
- Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. 1805. СПб.
- Османов Г.Г.*, 1965. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.
- Османов М.О.*, 1962–1963, 1966. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6824.
- Османов М.О.*, 1967. Хозяйство Дагестана в XVI–XVII вв. // История Дагестана в 4-х тт. Т. I. М.
- Османов М.О.*, 1970. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Даг. ФАН. Т. 20. Серия общественных наук. Махачкала.
- Османов М.О.*, 1976. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 6220.
- Османов М.О.*, 1977. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6337.
- Османов М.О.*, 1978. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 6381.
- Османов М.О.*, 1979. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 6678.
- Османов М.О.*, 1980. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 6924.
- Османов М.О.*, 1981. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 7140.
- Османов М.О.*, 1983. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 7542.
- Османов М.О.*, 1990. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.
- Османов М.О.*, 1996. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала.
- Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. 1965. Архивные материалы / Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М.
- Погорельский П.В.*, 1940. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана // Сельское хозяйство горного Дагестана. М.–Л.
- Рамазанов Х.Х.*, 1972а. Отходничество Дагестана во второй половине XIX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 3. Махачкала.
- Рамазанов Х.Х.*, 1972 б. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала.
- Рамазанов Х.Х.*, 1977. Роль пореформенного ремесленного отхода из Дагестана в развитии экономических связей между народами // Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа. Махачкала.
- Современный Дагестан. 1925. Махачкала.

Хашаев Х.М., 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.

Христианович В.П., 1928. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды Северо-Кавказской ассоциации. НИИ. № 36. Институт местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Ростов-н/Д.

Шихабудинов М.Ш., 1974. К вопросу о промышленном отходничестве в Дагестане в начале XX в. // Вопросы истории Дагестана. I. (Досоветский период). Махачкала.

Шихабудинов М.Ш., 1976. Причины и характер отходничества в Дагестане // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1973–1975 гг. Махачкала.

Шихабудинов М.Ш., 1981. О роли коренного населения Дагестана в пополнении рабочих нефтяной промышленности Грозного в начале XX века // Изв. СКНЦВШ. № 3.

Шихабудинов М.Ш., 1984. Социально-экономические причины отходничества в Дагестане в конце XIX – начале XX в. // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала.